

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42

С.В. Гричин, Т.А. Демешкина

АППЛИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ МОДЕЛИ АВТОРИЗАЦИИ¹

Работа посвящена интерпретации смыслов, выражаемых авторизационными конструкциями в текстах разной функциональной и жанровой принадлежности: СМИ, научных трудах и в диалекте. Интерпретация основана на принципах дискурсивного анализа, а также на понимании авторизации как авторизационной модели, интегрирующей комплекс значений субъектных компонентов речи. Делается вывод об универсальном, трансдискурсивном характере когнитивно-дискурсивной модели авторизации, а также о возможности использования описываемой методики для анализа авторизации в разных типах дискурса.

Ключевые слова: дискурс, авторизация, когнитивно-дискурсивная модель, субъектные компоненты речи, интерпретация.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку расширить аппликативный потенциал методики описания авторизованных высказываний текстов научного дискурса, впервые использованной нами в работе «Когнитивно-дискурсивная модель авторизации» (в печати), применив ее для анализа авторизационных блоков текстов диалекта и СМИ.

В основе данной методики лежит понимание авторизационного блока в тексте научного произведения как когнитивно-дискурсивной модели. Если когнитивно-дискурсивная модель авторизации для научного дискурса представляет собой синкретичное, многоуровневое единство выраженных авторизацией смыслов, основанных на коммуникативном намерении автора, отражающих лежащие за ними ментальные операции, связанные с обработкой и фиксацией в тексте научного знания, то для дискурса СМИ и диалекта, по нашему представлению, на первый план должна выходить оценочная и повседневно-бытовая деятельность субъекта. Когнитивный характер данной модели обусловлен и рецептивным ожиданием адресата, которое, по наблюдению В.Е. Чернявской, наряду с концептом прототипическое находится в центре внимания когнитивных исследований, посвященных вопросам о нормативном и вариативном в научном дискурсе [1. С. 23]. Дискурсивная компонента модели детерминирует ее специфику на стилистическом, жанровом, коммуникативно-прагматическом, содержательном уровнях. Описанная модель носит также инференциальный характер, при этом под инференцией мы понимаем «широкий класс когнитивных операций, в ходе которых... интерпретаторам дискурса, лишенным непосредственного доступа к процессам

¹ *Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-14-70002.

порождения речи в голове или «душе» говорящего, приходится «додумывать за него» [2. С. 123].

Методика базируется на понимании авторизационного блока как когнитивно-дискурсивной модели. Антропоцентричная природа авторизации проявляется в тексте в виде единого комплекса субъектных компонентов речи (СКР, термин Н.К. Рябцевой). СКР, по Н.К. Рябцевой, – это компоненты высказывания / текста, которые соотносятся с породившим его субъектом: «...в субъектных компонентах речи, как ни в каких других, отражаются особенности речемыслительной деятельности и свойства «порождающего» их естественного интеллекта... что предопределяется тем, что субъектные компоненты речи представляют собой единый комплекс, обладают целым рядом объединяющих их отличительных и взаимосвязанных свойств, имеющих прямое отношение к сознанию говорящего, его личности, производимым им в текущем процессе общения мыслительным, речемыслительным и речевым операциям» [3. С. 380].

Субъектные компоненты речи обладают комплексом следующих взаимосвязанных свойств: метауровневости, синкретичности, конситуативности, интенциональности и супraseгментности [3].

Метауровневость заключается в противопоставленности субъектных компонентов речи объектным и фактуальной информации – ее интерпретации. Метауровневость авторизационного блока выражается в самом факте экспликации авторизационной конструкции, поскольку такая экспликация означает, что авторизованный объект, т.е. тема авторизованного высказывания, уже была отрефлексирована субъектом, включена в его личную сферу, вписана в его личный контекст и актуализована в высказывании. Сам выбор авторизуемого содержания высвечивает личную сферу автора: его предпочтения, потребности, ход рассуждения. В то же время «субъектные компоненты не сводятся к эксплицитному модусу высказывания, они могут присутствовать в речи в неявном виде, имплицитно и синкретично» [3. С. 383].

Синкретичность предполагает способность компонента речи присутствовать в высказывании в неявном виде и в рамках авторизационного блока проявляется в коннотациях и импликациях, извлекаемых из авторизованных высказываний на основе анализа смыслового содержания текста, ее степень детерминирована характером общения в том или ином дискурсе. Так, если «в живой, естественной, непринужденной речи имплицитность СКР проявляет подсознательный, автоматизированный уровень выражения говорящим своего отношения к ситуации общения и составляющим его компонентам» [3. С. 383], то для научной речи свойствен «осознанно регулируемый» ее уровень, степень развернутости (и связанная с ней частота экспликации авторизации), что обусловлено действием фактора адресата, наличием сопоставимого уровня базовых знаний адресанта и адресата.

Конситуативность, понимаемая как осознание текущей ситуации общения, выражается в переключении фокуса внимания читателя с одного объекта на другой, введении и изменении ситуации общения. Таким образом, конситуативность АВ с наибольшей силой проявляется на границе перехода от одного АВ к другому, а также при смене авторизационного ключа. На уровне

текста конситуативность очерчивает круг релевантных для субъекта компонентов текущей речевой ситуации (конситуации): источники цитируемой информации, количественный состав и содержание тем в тексте, в рамках отдельно взятого АБ – дискретность / недискретность описываемой ситуации, континуальность ее развития.

Интенциональность, выражающаяся в осмысленности, мотивированности и намеренности использования СКР, «...коррелятивна ментальным процессам субъекта оценки, восприятия или констатации явления» [4. С. 100–101].

Отметим также экстралингвистический характер интенциональности, который напрямую связывается с интерпретативностью. Так, Серль пишет: «...объясняя интенциональность в терминах языка, я вовсе не подразумеваю, что интенциональность носит по существу лингвистический характер... пытаясь разъяснить интенциональность в терминах языка, я опираюсь на знание языка как на эвристическое средство объяснения [5. С. 96, 100–101].

Супрасегментность СКР, т.е. «их отнесенность ко всему высказыванию, его коммуникативному намерению, заключается в их способности передавать дополнительную, неявно выраженную информацию» [3. С. 389], создавать дополнительные смыслы, семантическую ауру вокруг сообщаемого сегментными средствами.

Таким образом, наша гипотеза строится на том, что авторизационные конструкции как в научном дискурсе, так и в дискурсе СМИ и диалектной речи должны реализовать весь комплекс смыслов СКР. При этом в научном дискурсе доминирующими оказываются ментальные процессы субъекта, связанные с обработкой информации, в дискурсе СМИ – оценочная его деятельность, в диалектной речи субъект представлен в ситуациях осуществляемого в данный момент непосредственного общения.

Значения авторизации (авторизационные смыслы) и способы ее языкового воплощения экстралингвистически обусловлены особенностями общения в соответствующем дискурсе. Интерпретация авторизационных смыслов проясняет авторский замысел и его стратегию, способствует пониманию смылосодержательной структуры текста. Последнее справедливо только в том случае, если адресатом верно интерпретирован текст в целом, а «считать интерпретацию текста адекватной можно лишь в случае отвечающего замыслу коммуникатора истолкования его основного коммуникативного намерения реципиентом» [6. С. 84]. Ключевой особенностью СКР в контексте нашего исследования мы считаем их связь со стоящими за прагматикой речи мыслительными и речемыслительными операциями, главными из которых являются «указание на фокус внимания, выделение главного, его актуализация» [3. С. 378]. Интерпретация авторизационных блоков через СКР позволяет выявить сложный характер их смысловой, прагматической, коммуникативной и когнитивно-дискурсивной организации. Ср.: «Не случайно, что целое направление в КН связано сегодня с решением проблемы понимания текстов и извлечением информации из речевых произведений, дискурса» [7. С. 43].

Успешное апробирование данной методики на текстах разной дискурсивной принадлежности может свидетельствовать как о гибкости самой когнитивно-дискурсивной модели авторизации, так и об универсальном характере проявления феномена авторизационной формации (авторизационного блока).

Вопрос о включении авторизации в сферу внимания когнитивной лингвистики актуален постольку, поскольку «обращение к текстовым и дискурсивным данным обязательно и при изучении феномена созидания мира или конструировании мира с помощью разноструктурных единиц номинации, с помощью вариативных способов описания одного объекта или одной ситуации» [7. С. 18]. Изучение интерпретации авторизационных смыслов в текстах СМИ становится необходимым в силу того, что в современных работах отношения между коммуникантами в дискурсе описываются в плоскости их когнитивно-речевого взаимодействия, когда адресат является соучастником общения и активным интерпретатором речевых действий адресанта [2. С. 38–39].

Актуальность исследования категории авторизации в диалектном дискурсе детерминирована свойствами диалекта как системы коммуникации, характеризующейся собственной системой речевых жанров, спецификой когнитивной деятельности, метаязыковым сознанием, особенностями построения текста и некоторыми другими чертами, отмеченными В.Е. Гольдиным [8]. Одной из специфических черт диалектного устного текста представляется наложение двух ситуаций: ситуации непосредственного общения, осуществляемого в данный момент, и ситуации, описываемой говорящим. Это свойство обозначено В.Е. Гольдиным как совмещение ситуации темы и ситуации текущего общения [8. С. 29]. Как представляется, специфика проявления авторизационных показателей в диалекте обусловлена также диктумным содержанием текстов, в которых преобладают событийные пропозиции, отражающие эмпирико-событийный характер диалектного знания в отличие от научного текста, в котором преобладающим является обобщенно-логический компонент. В силу отмеченных свойств диалекта как формы коммуникации выделенные нами авторизационные блоки проявляются в диалекте по-иному, нежели в других дискурсивных практиках. Субъектные компоненты речи, актуализованные в авторизационных блоках, отражают, с одной стороны, эгоцентрический характер диалектной речи, а с другой – диалогичность, предполагающую ориентацию на адресата.

Описанная нами выше когнитивно-дискурсивная модель авторизации и связанная с ней методика анализа авторизационных блоков основаны на идее о том, что помимо основного («поверхностного») смысла, авторизационные конструкции несут и иной, импрессивный (аддитивный) смысл. Слияние основного и импрессивного смыслов авторизации, по нашему мнению, должно приводить к созданию полифонического, синкретичного, многомерного и интерпретативного сообщения. Отправной точкой в выявлении импрессивного смысла авторизации, очевидно, следует считать контекст, как речевой, так и дискурсивный. Если первый проявляет коммуникативное намерение говорящего, преобразует сообщение в коммуникативно-обусловленное действие (метакоммуникативный смысл утверждения, уточнения и т.п.), то дискурсивный контекст придает авторизации соответствующий дискурсивный смысл, в нем имплицитруется присущая отдельно взятому дискурсу специфика.

Когнитивно-дискурсивный контекст бытования диалектной речи и дискурса СМИ генерируется интенциональностью адресанта, при этом внутритекстовое смыслообразование не сводится к кодированию содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, но содержит

также элементы дополнительного, аддитивного, импрессивного смысла, который для адресата связывается с актуальностью введения авторизации. Интенциональность адресанта выражается прежде всего в его коммуникативном намерении. Важным свойством коммуникативного намерения является то, что оно представляет собой интегральную характеристику высказывания, так как «связывает прагматическую (внешнюю) ситуацию и собственно коммуникативную, говорящего и адресата, прагматический (предметный) и коммуникативный / интенциональный смысл их взаимодействия. <...> И потому КН не только может быть выражено разными способами, в зависимости от ситуации, но и различными способами интерпретировано (разрядка моя. – С.Г.) [3. С. 414].

Следует отметить, что данная методика основана на принципах анализа дискурса, воплотивших в себе «общую направленность исследования на многостороннее, комплексное изучение сложного многомерного феномена языкового общения» [2. С. 12].

Таким образом, интерпретация выраженных в авторизационном блоке аддитивных смыслов (под авторизационным блоком будем понимать маркированные авторизующей конструкцией дискретные текстовые единицы (отрезки текста), эксплицирующие компоненты его коммуникативно-информационного и прагматического (интенционального) содержания) заключается в том, чтобы выявить комплекс смыслов описанных выше СКР. Важно подчеркнуть, что выраженные в АБ смыслы взаимосвязаны, взаимообусловлены и синкретичны, поскольку «язык опутывает мир паутиной интерпретации, создает систему символов, в которой каждому обозначаемому явлению придается целый ряд смыслов (разрядка моя. – С.Г.), имеющих разные и смешанные – когнитивные, регулятивные, экспрессивные и прочие назначения» [9. С. 119].

Далее рассмотрим возможности применения предложенных теоретических разработок в разного рода дискурсивных практиках. Проиллюстрируем использование данной методики на материале диалектной речи. (В целях корректности сопоставления разных дискурсов из диалектной речи взят текст монологического характера.)

Я говорю, чтоб я щас оздоровела, мне тоё все дали в руки, я б еще лучше своих детей кормила. Как я тогда, я тогда не умела совсем, теперь научилась я. Еще жалею, что мало у меня детей, надо было больше, теперь жалею, надо было мне больше родить, а я мало, что четверо? У моёй золовки восемь, она вырастила, и мне надо было хоть бы семь, хоть бы шесть, можя б другая доченька была, а то вот одна доченька, три сыночка, а доченька одна [10. С. 19].

Метауровневость авторизационного блока в приведенном примере обусловлена экстралингвистическими причинами: в нем передается культурно значимая информация, воплощенная в одной из жанровых форм диалектной речи: воспоминании / автобиографическом рассказе, представляющих собой «комплексные информативные речевые жанры» [10. С. 15]. На более низком уровне обобщения, как нам представляется, в основе рассказа лежит метасмысл «сожаление», которое определяет наличие в данном АБ

признаков речевого жанра «сожаление», т.е. «я говорю» означает в данном блоке *я сожалею, что у меня мало детей*.

С метауровневостью данного АБ тесно связана и его синкретичность, поскольку речевой жанр «сожаление» относится к типу информативно-оценочных жанров, а в тексте содержится фактологическая информация, сопровождаемая эмоционально-оценочной составляющей. Метакомпонент *жалеть* в значении «печалиться, сокрушаться, сожалеть» повторяется в тексте несколько раз (*жалую, что мало у меня детей, теперь жалую, надо было мне больше родить*). Рядом конститутивных признаков речевого жанра «сожаление» обусловлена и интенциональность данного АБ: осознание говорящим мотива своей интенции (к числу которых относятся недуг, возраст, поведение адресата или третьего лица, а в рассматриваемом случае – ситуация, которая, как считает говорящий, могла бы быть лучше при определенных условиях) порождает интенцию говорящего сообщить об этом адресату, вызвать сочувствие и понимание, а также сопереживание со стороны собеседника. В то же время отметим проявление в анализируемом тексте экзистенциального отношения к жизни носителем диалектной культуры, принятие ее как данности. Говорящий не оценивает ситуацию как однозначно плохую. Он говорит лишь о том, что она могла бы быть лучше.

Конситуативность данного АБ также связана с комплексным характером сожаления, однако это комплексность иного типа, которая на макроуровне связана с выделением сожаления о малом количестве детей из числа других составляющих (для чего требуется вовлечение в анализ более крупных участков дискурса, что не входит в наши задачи в рамках данной работы), а на микроуровне – с разложением ситуации на смысловые составляющие: возможность содержать большее количество детей (*я б еще лучше своих детей кормила*), приобретение навыков обращения с детьми (*теперь научилась я*), сравнением с количеством детей у других (*у моей золовки восемь*), мысли о желаемом количестве детей (*мне надо было хоть бы семь*).

Супрасегментность описываемого блока связана как с особой мелодикой диалектной речи, так и с формированием особой семантической ауры у фактологического содержания высказывания, складывающегося у адресата впечатления о говорящем: его социальной, возрастной, гендерной принадлежности и т.д.

Однако наиболее репрезентативные данные с точки зрения выраженности СКР в авторизационном блоке позволяет получить соотнесение признаков речевого жанра «сожаление» и «автобиографического рассказа». Так, если рассматривать этот АБ как элемент текста, обладающий содержательно-формальными признаками автобиографического рассказа, то в его рамках сожаление образует СКР конситуативности, поскольку органично вписывается в рассказ, реализуясь параллельно с рассказом о себе. С другой стороны, если исходить из смысла «сожаление» в рамках жанра автобиографического рассказа, то последний образует метауровень для оценочного жанра сожаления. Говорящий подвергает оценке прошедшую жизнь или какой-либо ее период, оценивая стратегию своего поведения на определенном этапе жизни как неверную, неправильную (и это плохо), приведшую к неудовлетворительному результату в настоящее время. По сути, автор подвергает пересмот-

ру свои жизненные установки и ценности, по-иному расставляет приоритеты, в то же время осознавая невозвратимость прошлого. Представитель крестьянской культуры выстраивает другой альтернативный сценарий жизни, сопровождая модусом возможности – мечтой о лучшей жизни. На языковом уровне это выражается наличием сослагательного наклонения, повторением частицы *бы*, а также наличием сопоставительных конструкций, основанных на противопоставлении лексем *раньше* и *сейчас*. В результате превалирующим компонентом текста становится эмоционально-оценочный. Рассматриваемые в совокупности речевые жанры образуют СКР синкретичности, поскольку характеризуются общими жанрообразующими факторами: предметом и методом отображения, целевой установкой (функцией). Подобная интерпретация, основанная на выделении в смылосодержательной и коммуникативно-прагматической структуре АБ отдельных смыслов СКР, определяет глубину понимания целого текста, поскольку, как пишет Ван Дейк, «если, например, мы знаем, что текст, который предстоит воспринять, – рассказ, то можно активизировать имеющиеся у нас применительно к нашей культуре знания о схеме рассказа. Это облегчит приписывание особых нарративных функций соответствующим эпизодам текста (в нашем случае – АБ) [11. С. 129].

Таким образом, анализ устного диалектного текста – автобиографического рассказа, включающего в себя речевой жанр сожаления, свидетельствует о том, что специфика диалектной формы коммуникации обуславливает характер проявления субъектных компонентов речи, выделяемых в пределах авторизационных блоков.

Переходя к описанию комплекса СКР на материале текста СМИ, остановимся вкратце на тех важных вопросах, которые, по нашему мнению, должны экстралингвистически детерминировать особенности их проявления. Как известно, одной из особенностей дискурса СМИ является значимость для него оценочных коммуникативных актов, которые определяют тактико-стратегическое поведение коммуникантов: дискурс СМИ «служит формированию общественного мнения по поводу реальных событий, состояний и лиц, заслуживающих внимания общества [12. С. 260]. Понимаемая широко, оценка, по словам Г.В. Колшанского, – «это произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания» [13. С. 28]. С точки зрения когнитивного подхода оценка представляет собой особый когнитивный процесс построения образа объекта в языке и дискурсе с помощью языковых средств [14, 15, 16], и поэтому исследование оценки дает возможность выявлять устойчивые связи между когнитивными структурами, раскрывать познавательные возможности самих оценочных средств. «Оценка как когнитивная категория тесно связана с процедурой естественного вывода, при этом основой оценочных инференций служат знания о мире и о ситуации общения, а также знания о лексических, синтаксических, стилистических языковых средствах оценивания» [17. С. 24]. Характером оценки как ценностной категории определяются и ее интерпретационные возможности: «В мире оценок действует не истинность относительно объективного мира, а истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникации» [18. С. 203]. Множественность СКР для выражения оценки обусловлена самим ее характером. Как указывает Е.М. Вольф, субъект

оценки может отличаться как от субъекта высказывания, так и от субъекта речи, но может и совпадать с ними [18. С. 69]. Говоря о соотношении оценки с пространством авторизационного блока, следует отметить ее текстовый характер, складывающийся из целого комплекса языковых средств выражения: фонетических, лексических, грамматических и синтаксических. Таким образом, оценка может быть заключена как внутри АБ, так и выходить за его рамки.

Людмила Улицкая заявила, что не поддерживает агрессивную политику России относительно Украины. Причина российской политики кроется, по ее мнению, в том, что «сейчас многие страны больны национализмом». Улицкая, а также Борис Акунин, Михаил Жванецкий, Владимир Сорокин, Виктор Шендерович, Виктор Ерофеев входят в международную неправительственную организацию ПЕН-клуб. 12 мая члены ПЕН-клуба заявили, что события на Украине «начались со лжи о насилии в Крыму» [19. С. 16].

Метауровневость АБ в приведенном примере обусловлена экстралингвистическими причинами: в нем передается социально значимая информация, воплощенная в одном из информационных жанров языка СМИ – очерке, сочетающем в себе функцию сообщения информации и воздействия на адресата и содержащем описание актуальной общественной проблемы. Множественность СКР в данной жанровой разновидности обусловлена возможностью реализации различных типов повествователя: «...автор при этом может выступать как закадровый наблюдатель, закадровый комментатор, участник события, собеседник героя, рассказывающего о событии» [20. С. 86].

Именно наличие оценки обуславливает наличие выраженного в данном АБ СКР синкретичности. Так, отсутствие поддержки со стороны Улицкой политики России означает одновременно и отрицательную оценку этой политики (*агрессивная политика, больны национализмом*). На лексическом уровне отрицательная оценка находит выражение и в следующем авторизованном предложении (*члены ПЕН-клуба заявили, что события на Украине «начались со лжи о насилии в Крыму»*). Представляется, что фактологическое (смысловое) содержание данного блока, рассматриваемое через призму оценки, можно выразить следующим образом: «Авторитетные деятели культуры характеризуют политику России в отношении Украины как агрессивную».

Говоря об интенциональном характере данного АБ, отметим, что воздействие на адресата представители прагматического направления в исследовании оценки считают обязательным условием существования оценочного речевого акта [21], а в рамках коммуникативно-прагматического подхода постулируется использование оценочных языковых средств в реализации различных коммуникативных стратегий [22]. Очевидно, что для рассмотрения отдельно взятого АБ как элемента коммуникативной стратегии требуется обращение к анализу целого текстового произведения. В рамках нашего исследования мы разделяем мнение А.В. Руденко, которая считает, что оценка имеет двойственный характер: «с одной стороны она относится к актам когниции, поскольку участвует в конструировании мира и задействует

различные структуры знания, и, с другой стороны, относится к актам коммуникации, будучи важнейшим средством воздействия на адресата» [17. С. 74]. В нашем примере *Людмила Улицкая заявила... члены ПЕН-клуба заявили* семантика глагола *заявлять*, являющегося к тому же перформативом, демонстрирует интенциональный характер данного действия.

Многоплановый характер категории оценки обуславливает и конситуативность рассматриваемого АБ. На макроуровне она обусловлена связью с другими оценочными актами, выраженными в целом тексте, например: 1) *Сходный тезис высказал Андрей Макаревич. По его мнению, катастрофы в Одессе можно было бы избежать, если бы не крымский прецедент...* 2) *Тем более что события на Украине родились, как отметил спикер ГД С. Нарышкин, именно из «недоработок в культурной политике»;* 3) *Руководитель кремлевской администрации С. Иванов, который одновременно возглавляет рабочую группу по разработке проекта закона об «Основах государственной культурной политики», высказался в апреле о том, что в России нельзя допустить «украинский сценарий»* [19. С. 16]. На микроуровне, т.е. внутри АБ, ситуация оценки разложена на две составляющие, выраженные двумя субъектами оценки: *Людмила Улицкая* и перечисленные члены ПЕН-клуба.

Супрасегментность в описываемом блоке не поддается интерпретации, что объясняется газетным происхождением рассматриваемого очерка. Однако это вовсе не означает, что супрасегментность не может быть присуща АБ дискурса СМИ вообще. Представляется, что такие медиасредства, как радио или телевидение, где оценка в рамках отдельных АБ может сопровождаться невербальными средствами (аудио- и видеосигналом, просодическими, мимическими, проксемическими компонентами), могли бы дать богатый материал в этом отношении, однако в нашей работе мы ограничиваемся анализом вербальных средств выражения авторизационных смыслов. Таким образом, анализ текста СМИ демонстрирует преобладание характерных для этой формы коммуникации оценочных смыслов субъектных компонентов речи в рамках авторизационных блоков.

Как показал анализ, интерпретация авторизационных смыслов через СКР позволяет сделать вывод о многомерном характере информации, заключенной в рамках АБ, что характеризует АБ как средство производства и передачи в процессе текстотворчества метауровневых, конситуативных, супрасегментных и интенциональных субъективных смыслов, выражающихся одновременно и синкретично. Эти смыслы вводятся одними и теми же языковыми средствами (авторизационными конструкциями), которые функционально взаимосвязаны. Информативность авторизационного блока помещает его в разряд когнитивных образований, т.е. образований, связанных с познавательной деятельностью человека и фиксацией этих знаний в тексте с учетом типа передаваемой информации: мыслительных операций для научного дискурса, коммуникативно-прагматических и когнитивных установок автора (адресанта) для диалектной речи и дискурса СМИ. Успешное применение данной методики на материале разных дискурсов свидетельствует о гибкости когнитивно-дискурсивной модели авторизации и ее значительном эвристическом аппликативном потенциале, а также о значительной

степени общности механизмов понимания описываемой предметной ситуации, которое обусловлено, очевидно, как наличием когнитивного взаимодействия автора и адресата в процессе коммуникации и общностью тезаурусов языковых личностей автора и адресата, так и сходством схем, моделей, стереотипов и шаблонов, лежащих в основе интерпретации содержания высказываний (и АБ): «Люди смогут понять то, что мы говорим, если их языковой репертуар активизирует такие же или сходные схемы и если их опыт по освоению этих схем сравним с нашим... если они способны состыковать в единый ансамбль схемы, введенные нами в модель потенциальной схемы, которая соответствует модели, сообщаемой им нами» [23. С. 107].

Таким образом, можно утверждать, что представленная когнитивно-дискурсивная модель авторизации аккумулирует в себе свойства исследований когнитивно-дискурсивной направленности, объединяя факты грамматики, дискурса и когнитивной психологии. При этом фактом грамматики является способность одного и того же типа синтаксических конструкций, составляющих категорию авторизации, передавать весь комплекс смыслов СКР, фактом дискурса – детерминированность этих смыслов коммуникативно-прагматическими и когнитивными установками автора, фактом когнитивной психологии – интерпретируемые авторизацион-ные смыслы.

Литература

1. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное: Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 240 с.
2. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
3. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. М.: Academia, 2005. 640 с.
4. Тураева З.Я. Семантика художественного текста и модальность // Текстовый и синтаксический уровень стилистического анализа. Л., 1989. С. 93–103.
5. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / под ред. Д.П. Горского, В.В. Петрова. М., 1987. С. 96–126.
6. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 232 с.
7. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
8. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. в виде науч. докл. д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
9. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст: Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 437 с.
10. Волошина С.В., Демешкина Т.А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
11. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В.В. Петрова. М., 1989. 312 с.
12. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.
13. Колианский Г.В. Паралингвистика. М.: Наука, 1974. 81 с.
14. Langacker, R.W. Grammar and Conceptualization. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. 430 p.
15. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics: Concept Structuring Systems, Vol. 1 (language, Speech & Communication). Cambridge: MIT Press, 2001. 503 p.
16. Taylor, J.R. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory. Oxford: Clarendon Press, 1989. 270 p.

17. Руденко А.В. Модификация оценки в дискурсе СМИ (когнитивно-прагматический аспект): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2012. 24 с.
18. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
19. Рыжова М. Культурный фронт // Суть времени. 2014. № 77. С. 16.
20. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожин. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 696 с.
21. Гуляев Т.В. Коммуникативные оценочные действия в иллюкутивных и перлюкутивных актах // Высказывание и дискурс в прагмалингвистическом аспекте: сб. науч. тр. Киев, 1989. С. 30–34.
22. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: URSS, 2008. 288 с.
23. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике: прикладная лингвистика. М., 1983. Вып. 12.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 6 (32), pp. 5-16.

Grichin Sergei V., Yurga Institute of Technology of Tomsk Polytechnic University (Yurga, Russian Federation). E-mail: grichinsergei@mail.ru

Demeshkina Tatyana A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

THE APPLICATIVE POTENTIAL OF A COGNITIVE-DISCURSIVE AUTHORIZATION MODEL.

Keywords: discourse, authorization, cognitive-discursive model, subjective components of speech, interpretation.

The paper is devoted to the interpretation of meanings expressed by authorization structures in texts of different genres and functional styles, namely, mass media, academic papers and dialects. Interpretation is based on the principles of discourse analysis, as well as on the premises that the category of authorization (evidentiality) as an authorization model that integrates a set of values of subjective components of speech. The cognitive-discursive model of authorization and related methods of analysis of authorization blocks are based on the idea that in addition to the main ("surface") meaning, authorization structures have impressive (additive) sense as well. The cognitive-discursive model of authorization in scientific discourse is a syncretic, multilevel unity of meanings expressed by authorization and is based on the communicative intention of the author, reflecting mental operations associated with them and associated with handling and fixation of scientific knowledge in the text. Subjects' evaluative and everyday activities are more essential for the mass media discourse and dialect. Speech material of the investigated types of discourse is analyzed and subjective components of speech such as its syncretism, intentionality, as well as meta-level, con-situation and supra-segmental character are revealed. Their corresponding meanings are introduced by the same language means, namely, authorization structures that are functionally interrelated. The analysis of the mass media text shows the prevalence of communication meanings of subjective evaluation components of speech within authorization blocks, and the analysis of the verbal dialect text, an autobiographical story, which includes the speech genre of regret, suggests that the specificity of the dialectal forms of communication determines the nature of relevant components of subject speech manifestation. The possibility of using this technique on the material of various discourses indicates the flexibility of the cognitive-discursive authorization model and its considerable heuristic applicative potential, as well as common mechanisms of the predicative situation description. The described cognitive-discursive authorization model accumulates the properties of cognitive-discursive direction of investigation, uniting the facts of grammar (the ability of the same type of syntactic structures to make up the category of authorization to convey the whole complex of meanings of subjective components of speech), of discourse (the determined character of meanings by author's communicative, pragmatic and cognitive attitudes), by cognitive psychology (interpreted authorization meanings).

References

1. Chernyavskaya V.E. *Kommunikatsiya v nauke: normativnoe i deviantnoe. Lingvisticheskiy i sotsiokul'turnyy analiz* [Communication in science: norms and deviations. Linguistic and socio-cultural analysis]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM" Publ., 2011. 240 p.

2. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the discourse theory]. Moscow: Gnozis Publ., 2003. 280 p.
3. Ryabtseva N.K. *Yazyk i estestvennyy intellekt* [Language and natural intelligence]. Moscow: Academia Publ., 2005. 640 p.
4. Turaeva Z.Ya. [The semantics of a literary text and modality]. *Tekstovyy i sententsional'nyy uroven' stilisticheskogo analiza* [Text and dictum levels of stylistic analysis]. Leningrad: LGPI Publ., 1989, pp. 93-103. (In Russian).
5. Searle J.R. *Priroda intentsional'nykh sostoyaniy* [Nature of intentional states]. In: Gorskiy D.P., Petrov V.V. (eds.) *Filosofiya, logika, yazyk* [Philosophy, logic, language]. Moscow: Progress Publ., 1987, pp. 96-126.
6. Dridze T.M. *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii* [Text activity in the structure of social communication]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 232 p.
7. Kubryakova E.S. (ed.) *Rol' yazyka v poznanii mira* [The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p.
8. Gol'din V.E. *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii*. Dis. v vide nauchnogo doklada dokt. filol. nauk [Theoretical problems of communicative dialects. Philology Dr. Diss. Report]. Saratov, 1997. 52 p.
9. Kasavin I.T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nyuyu epistemologiyu yazyka* [Text. Discourse. Context. Introduction to social epistemology of language]. Moscow: Kanon+ Publ., 2008. 437 p.
10. Voloshina S.V., Demeshkina T.A. World modelling potential of speech genre in dialect speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 14-20. (In Russian).
11. Dijk T.A. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English by V.V. Petrova. Moscow: Progress Publ., 1989. 312 p.
12. Matveeva T.V. *Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi stilistika, ritorika* [Learner's dictionary: Russian language, culture style of speech, rhetoric]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2003. 432 p.
13. Kolshanskiy G.V. *Paralingvistika* [Paralinguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 81 p.
14. Langacker, R.W. *Grammar and Conceptualization*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2000. 430 p.
15. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics: Concept Structuring Systems*. Cambridge: MIT Press, 2001. Vol. 1, 503 p.
16. Taylor J.R. *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1989. 270 p.
17. Rudenko A.V. *Modifikatsiya otsenki v diskurse SMI (kognitivno-pragmaticheskiy aspekt)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Modification in the discourse of media evaluation (cognitive-pragmatic aspect). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow: Moscow State Linguistic University Publ., 2012. 24 p.
18. Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 228 p.
19. Ryzhova M. Kul'turnyy front [Cultural front]. *Sut' vremeni*, 2014, no. 77, p. 16.
20. Kozhina M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian]. 2nd edition. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2011. 696 p.
21. Gulyar T.V. [Communicative evaluative actions in illocutionary and perlocutionary acts]. *Vyskazyvanie i diskurs v pragmalingvisticheskom aspekte* [Utterance and discourse in pragmatic linguistics]. Kiev: KGPIYa Publ., 1989, pp. 30-34. (In Russian).
22. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication strategies and tactics of the Russian language]. Moscow: URSS Publ., 2008. 288 p.
23. Fillmore Ch. Osnovnye problemy leksicheskoy semantiki [The main problems of lexical semantics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike: prikladnaya lingvistika*, 1983, issue 12.